

КАТАСТРОФА

«Самый страшный выбор — тот, в котором нет правильного ответа».

Альбер Камю

«Хорошие вещи всегда приходят слишком поздно, они всегда заканчиваются слишком поздно, когда вы уже не можете по-настоящему наслаждаться ими».

Томас Манн «Будденброки»

Сысоев всегда садился обедать в одно и то же время. Более того скажу, если этого не случилось, то Сысоев испытывал безотчетную тоску, неуверенность и душевный спазм. Вот как. А что вы думали.

Сысоев был человеком методичным. Это его успокаивало и давало душевный комфорт. А больше он ни к чему и не стремился.

Хризантемы

А еще Сысоев любил хризантемы. Неизвестно почему, хотя некоторые считали, что это из-за названия. Очень уж звучное и развесистое название у этих цветов. Это тебе не розы, считал Сысоев. Ему вообще нравились вещи случайно необычно странные. Вот так.

Как это понять? Да черт его знает. Как хотите, так и понимайте. Сысоеву все равно. Он не собирается перед вами стелиться и пресмыкаться. Не такой он. Просто он любит комфорт, а не что-нибудь другое.

Так вот он и жил. Было стремление к цели, была и цель, а все остальное — детали. Кстати, о деталях.

Детали

Деталей было несколько. Ну, во-первых, дочь. Это была сначала маленькая деталь, потом побольше, а теперь большая совсем. Сложностей в жизнь Сысоева она добавляла изрядно. Во-первых, деньги, во-вторых, участие.

Сысоев как-то так считал, что одних денег достаточно, но, как выяснилось с годами, нет, не достаточно. Вот зараза, думал Сысоев каждый раз, когда она звонила. Да, я зараза, но ты никуда не денешься, отвечала дочь. Не мысленно, а буквально.

Вторая, третья и четвертая детали — бывшие жены. Это, я вам доложу... От Сысоева летели пух и перья, но, слава богу, не часто. Он умел между струй. Тут, в отличие от дочери, общения не требовалось, а только участие в разрешении каких-нибудь проблем.

Остальные детали — это руководители, товарищи по работе, случайные и не очень друзья и подруги. Ну и, конечно, тайны. Тайны душили Сысоева.

Прошное

Он с детства или с юности знал нескольких мальчишек, знал близко, они вместе играли во дворе, бегали за девчонками, учились или бухали, тут со всеми по-разному складывалось, но общее было одно: теперь их портреты или интервью часто попадались в газетах и телевизоре. В этом было нечто привлекательное для Сысоева — ему легко давался комфорт. И отсутствие суеты вокруг.

Но тайны. Тайны чем дальше, тем больше напрягали. Он забывал про них, но они где-то все время давали о себе знать — в мозжечке или на собраниях советов директоров, в которых он состоял. Нет, проблем не было, а напряжение было. Он его чувствовал. Но потом опять забывал до следующего года. Он давно адаптировался и не принимал близко к сердцу.

Разговор

В ресторане, куда иногда заглядывал Сысоев, как известно, в одно и то же время, он встретил одного из великих своих друзей детства, назовем его Павлом, они радостно обнялись, Павел отвел его в сторонку и сказал:

— Ты давно не ездил отдыхать, всё в Москве, в Москве.

— Ну да, — ответил Сысоев, — мне нравится в Москве.

— Это хорошо, — сказал Павел, — но есть мнение, что отъехать тебе надо. Тут один клапан потек, надо дать устранить процессу. Мы поработаем, а ты отдохнешь.

— Что, все так неуправляемо?

— Все управляемо, ты же знаешь, но береженого бог бережет.

— Ну да, ну да.

— Поезжай в Эмираты или на острова какие-нибудь тихие.

— Надолго?

— Надеюсь, нет. Ладно, я побежал. Спишемся. Но ты не тяни. Оргпомощь нужна?

— Справлюсь.

— Ну бывай тогда.

— Пока.

Сысоев доел суп, кивнул официанту, заплатил и вышел из ресторана.

Такие детали

Оказалось, вот настоящие детали, мешающие его цели и состоянию — комфорту. Ребята подкинули проблем, а совсем не бабы.

Он шел по Неглинной, глядел на Центробанк и прикидывал порядок проблем. Хотя Центробанк, конечно же, был ни при чем. А Сысоев был. А ведь он не Центробанк, хотя как посмотреть. Большой бизнес несет риски для всех, кто около, а не только тем, кто внутри.

Те, кто около, совсем не защищены. Те, кто внутри, защищены системой. Но это другая тема, остановил себя Сысоев. У него всегда так мысли на ритмической основе ходьбы рожают нелепые сюжеты.

Не путай рожь и говно. Ну, проживу без Москвы. Куда бы поехать? Можно начать с Дубая, а там видно будет.

Тайная деталь

На самом деле не отъезд волновал Сысоева. И не Москва. А неизбежность встречи с человеком, назовем его Николаем. Почему так? А потому что среди тайн

комфорта Сысоева была и такая — он был, как сказали бы в царские времена, осведомителем. Стучал.

Стукачом был. Но элитным. Его призывали в редких случаях. Знали: отдача от его друзей никому не нужна. Может сдачи не хватить. Но вот такой случай, как вот этот, вряд ли позволит избежать общения с «Николаем».

Ну и хорошо, сказал себе Сысоев, так спокойнее. Наверно. Ну а что — уехать без контакта? Нет, так он позволить себе не мог. Меньше пыли вокруг. Меньше. А так точно меньше, чем без так.

Николай

Он пришел, Сысоев уже сидел на бульваре. Под липами. Глазел на народ. Народу было на Сысоева наплевать. А Николаю — нет.

- Все так серьезно? — спросил Сысоев.
- Я не знаю, вы мне скажите.
- Ну, они всполошились.
- Кто они? У вас их много, — Николай засмеялся.
- Те, которые любят Замоскворечье.
- А, эти!
- Да, наверное, хотя теперь многие любят ездить за реку.
- Ну а вы при чем?
- Очевидно, ждут компромата публичного, за света цепочек старых времен.
- Чем нам будете полезны?
- Ну вы загляните к смежникам через плечо, сформулируйте вопросы, может, я на них и отвечу, не на все, конечно, но на некоторые.
- Взаимообразно?
- Подсветите лично для меня перспективы, рекомендации по рискам.
- Отличный план.
- Тогда до скорого.

— Зависит от контекста.

Оба засмеялись. Николай ушел, Сысоев остался сидеть. Ему некуда было спешить. Самолет у него был только завтра.

Дубай

Сысоев не любил Дубай. Кич иногда неплохо, но только когда он русский, считал он. А когда вся это жуть одновременно и вместе — парад сумок, каблуков, работы дантистов и пластических хирургов, — это прям двадцать два или даже, может, и двадцать три. Плюс жара. Плюс кондиционеры.

Но делать нечего. Он всем сказал, что летит в гости к старому знакомому, давно живущему на намытых островах. Вилла, яхта, все дела.

Когда он приехал, был вечер и на вилле гостеприимного хозяина был дым коромыслом, какие-то гости, какие-то пьяные люди, у бассейна молодежь. Наверное, подрастающее поколение. Жарко, шумно, некомфортно.

Сысоева обнимали незнакомые люди, а может, и знакомые, но Сысоев был так раздражен, что не хотел никого узнавать. Он, отбившись кое-как, спросил, где его комната, но хозяин воскликнул:

— Обижаешь! — и отвел его в гостевой дом. — Вот это все твое — живи сколько хочешь.

— Спасибо, — с облегчением и искренней благодарностью сказал Сысоев.

— Как отдохнешь — приходи, поужинаем. Сегодня, правда, шумновато, у детей день рождения.

— Понятно, — сказал Сысоев. — Через час нормально?

— Жду, — кивнул хозяин и ушел.

Разговор

Сысоев очухался, собрался с силами и пошел ужинать. Хозяин, которого звали Петром Германовичем, ждал в столовой, которую не затронул праздник. То ли их было несколько, то ли это была не столовая — Сысоеву, в общем-то, было все равно.

Его привели куда привели, стол был накрыт. Они сели, хозяин спросил:

— Что будем пить? Вот вино хорошее есть. Или не будем строить из себя?

— Не будем, — сказал Сысоев и потянулся к бутылке водки. Какая-то манерная, подумал он, да и хрен с ней.

— Не видел еще такой? — спросил, засмеявшись Германович. — Сами делаем, недавно начали.

— Хорошая, значит, — подыграл Сысоев.

— А то.

Выпили, сразу и по второй.

— Ну как там, в Москве? — услышал гость стандартный вопрос. — Я-то сам давно не был.

— Уже скучаю, — ответил Сысоев.

— Понятно, ну ты там во всем затусован, естественно.

— Времена непростые.

— Слышим, — Пётр Германович опять улыбнулся. — И у тебя?

— И у меня, — не стал уклоняться Сысоев, все равно узнает или, скорее всего, знает уже. — Я, правда, не представляю глубины своих проблем, вот и хотел у тебя как у знатока спросить: как у меня? Глубоко?

— Да уж не мелко, — задумчиво ответил хозяин. — Тебя могут потерять, знаешь ведь, как бывает.

— Даже так?

— У вас там внутри вас всё, твои проблемы изнутри, а не извне.

— Считаешь, они меня подозревают в чем?

— Не знаю, я же теоретически только могу смотреть на все твое. Тебе виднее, ты просто не хочешь вглядываться.

Они продолжали пить. Водка была действительно неплохая.

Долго еще крутился разговор, но снова зайти внутрь Сысоеву не удалось. Пётр Германович не хотел больше углубляться. Все, что хотел, наверное, сказал.

— Если ты не против, я спать, — сказал в итоге Сысоев. — Перелеты — не мое.

— Да, понимаю, устал. Отдыхай. Завтрак тебе во сколько?

— В семь, если возможно.

— Скажу, чтобы приготовили овсянку и орехи.

— Ну да.

— Спокойной.

— Пока, спасибо.

Что происходит

Николай написал. Сысоев включил новый телефон с новой симкой и платным мессенджером. Отправил куаркод Николаю. Соединились.

— Выглядит пока это так, — сказал Николай. — Смежникам дали отмашку. Похоже, ваши друзья разделились и одни заказали других. Линия защиты у тех, кто под ударом, одна — им нужно выиграть время, чтобы попытаться как минимум смягчить удар и сократить потенциальные убытки. Для этого надо кого-то подставить. Пока понятно?

Сысоев молчал.

— Это — ты. Скорее всего, сегодня-завтра тебя объявят в розыск. Мы на данном этапе помочь не сможем. Потом — наверное, но не сейчас. Очень горячо — руки обожжем.

Сысоев молчал.

— Вот пока так, — сказал Николай.

— Спасибо, — сказал Сысоев и отключился.

Что еще происходит

Через пару дней Николай написал: «Если прилетишь, тебя сразу арестуют — в деле появился ордер».

Выбор

— Как там в Дубаях? Я соскучилась, скоро ты уже приедешь? — тараторила дочь.

— Да, завтра вылетаю, — ответил Сысоев.

— Ура-ура, — обрадовалась она. — У меня столько новостей, расскажу при встрече.

— Хорошо, — сказал Сысоев.

А он все еще выбирал между комфортом и жизнью. Непонятно? Ну подумайте. Хотя если приглядеться, то даже сам этот выбор не важен, ибо сама альтернатива, сама необходимость выбора — это и есть катастрофа. А все остальное детали.

